

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

НАСЛЕДНИК ИМПЕРИИ

Издательство АСТ
Москва

Негатив

— А где труп? — спросил я.

— Как — где? В морге! — ответила милая девушка.

— В... каком?

— То есть?

— Морг в нашем огромном городе и его окрестностях не один, — терпеливо пояснил я. — Хотелось бы узнать адрес.

— А вы ему, простите, кто? — Она посмотрела на меня с интересом.

Я машинально отметил: хорошенькая.

— Никто.

— Тогда зачем вам знать?

— Мы вместе работали. Родственники не объявились, так что организацией похорон придется заняться нам. Сотрудникам редакции, — добавил я в ответ на ее удивленный взгляд.

— А-а... — протянула она. — Так бы сразу и сказали! — И назвала адрес.

Вот и все. Но в моем сердце еще теплилась надежда, с которой я и приехал в психиатрическую лечебницу, расположенную на самой окраине лесопарка. Говорят, здесь спокойно.

Пациентов, из тех, кто на непринудительном лечении, порою выпускают погулять по лесу. В котором потом находят трупы... Что за чушь лезет в голову! Я-то знаю, что этот человек не был сумасшедшим! Он был на сто процентов нормален. И я развел руками:

— Не понимаю, что случилось? Почему он попал к вам?

— Белая горячка, — охотно объяснила хо-рошенькая. Я тоже из себя ничего. Поэтому мы быстро нашли общий язык. — В народе говорят, «белочка». Что ж тут удивительного?

— Да он вроде бы не пил, — с сомнением сказал я.

— Совсем? — прищурилась хорошенькая.

— То есть завязал.

— Ну, значит, развязал! А это еще хуже. Уж вы мне поверьте! Когда завязавшие алкаши вдруг срываются, их уже ничем не остановишь!

Я все еще сомневался. Хотя и на работе поговаривали: ушел в запой. Исчез на две недели. И вот вам результат: белая горячка, психиатрическая лечебница, скоропостижная смерть. Если бы я не знал предысторию, то поверил бы, как и все. Но дело в том, что я-то ее знал! За этим человеком охотились. Вернее, за снимками, которые он сделал. Этот человек — профессиональный фотограф. Работал в гламурном глянцево-м журнале, параллельно занимался халтурой. А я был его напарником. Что это за снимки и почему они вызвали такой интерес у сильных мира сего, я не знал, но очень хотел бы узнать. Как и все, я мечтал прославиться. А это было бы громкое дело. Представьте себе:

миллионный тираж, моя фотография крупным планом, и надпись огромными буквами: «СЕНСАЦИЯ!» Поэтому я принялся обольщать хорошенькую:

— Скажите, а он ничего не просил мне передать?

— А как же! — Она даже подпрыгнула, я тоже. Вот оно! Удача! — Я все ждала, когда же вы спросите!

Она, понимаете ли, ждала! «Спокойно-спокойно-спокойно». Я всегда так делаю в критических ситуациях. Повторяю про себя скороговоркой: «спокойно-спокойно-спокойно». Она, понимаете ли, ждала! Нет, чтобы сразу сказать: вот то, что тебе нужно, и проваливай отсюда. Но она ждала. Это потому, что я из себя ничего. Вот она и кокетничает, время тянет. А времени у меня нет, поэтому я нетерпеливо протянул руку:

— Давайте.

Она слегка обиделась, ведь я отказался от флирта, но полезла в ящик своего стола. Покопалась там и протянула мне конверт. Плотный белый конверт. Большой. В таких, как правило, посылают поздравительные открытки нестандартных размеров. Ни марки, ни адреса на конверте не было. Я пригляделся. Крупными печатными буквами на нем от руки было написано: «НЕГАТИВ». Почерк я узнал, и сердце мое забилося. «Спокойно-спокойно-спокойно...»

— Леонид Петровский? — официально спросила девушка.

— Он самый.

— Документ.

Она вредничала. Какие документы? Это что, заказное письмо? Бандероль? На конверте даже адреса нет! Ни адреса, ни марки. На деревню дедушке. А может, девушка хочет взглянуть на мою прописку? Скорее, на ту страницу, где ставят штамп о регистрации брака. Эта страничка в моем паспорте была девственно чиста, поэтому я без колебаний протянул хорошенькой требуемый документ. Она открыла паспорт и прочитала:

- Леонид Петровский.
- А я что говорю? Давайте конверт!
- Что ж...

С конвертом она рассталась охотно, а вот с паспортом не спешила. Так и есть: принялась его листать. Мне было наплевать, пусть хоть съест. Я жадно схватил конверт с надписью «НЕГАТИВ». Вот оно! Я автор сенсации! Моего напарника убили! На сто процентов! Из-за этого снимка! Или из-за этих! И я сейчас получу негатив! Ай да молодец, коллега! Не пожадничай! О чем это я? Его же убили!

Эти мысли молнией сверкнули в моем мозгу, было с десяток ярких вспышек, но гром не раздался. «Спокойно-спокойно-спокойно», — сказал я себе. В моей руке подрагивал конверт. Он был подозрительно толстый и бугрился. Я открыл его и заглянул внутрь. Затем посмотрел на хорошенькую девушку, которая с интересом изучала мой паспорт. Потом вновь заглянул в конверт и спросил:

- Что это?
- А что такое? — Она оторвалась от паспорта и невинно посмотрела на меня.

По ее взгляду я понял: о содержимом конверта осведомлена прекрасно. Как и вся психиатрическая лечебница. Должно быть, первым его с интересом изучал главврач. Потому что эту коллекцию мог собрать только сумасшедший! Это же диагноз!

— Что это? — повторил я.

Потом высыпал на стол перед девушкой то, что было в конверте. И даже потряс его, чтобы ничего не пропустить. Из конверта выпала семечка. Семя подсолнечника, если уж быть точнее. Из таких посредством пресса выдавливают растительное масло. Их, жареные семечки, лузгают деревенские, сидя на завалинке. И не деревенские тоже. И не сидя. И не на завалинке. Твою мать! Девушка смотрела на стол и улыбалась. Я тоже смотрел. Но не улыбался. Передо мной лежали:

дешевые бусы

моя фотография три на четыре

стоптанная набойка с каблука женской туфли

использованный одноразовый шприц

семечка

проездной билет в метро на месяц

старый значок — пятиконечная октябрятская

звездочка, эмаль облупилась, булавка отвалилась

открытка «С праздником Восьмое Марта!»

Я потряс конверт еще раз: а где же негатив? Потом заглянул внутрь, не веря своим глазам. Пусто! Девушка по-прежнему улыбалась.

— Вы уверены, что это все мне? — спросил я и выразительно посмотрел на разложенное «богатство».

— А как же! Он сказал: придет красивый молодой человек...

Я жадно схватил открытку. На обратной стороне был текст. *«Дорогая мама! От всей души поздравляем тебя с Международным Женским Днем! Желаем тебе крепкого здоровья, счастья в личной жизни и успехов в труде! Любящие Лена, Коля и Дима».*

— ...блондин. Холостой.

— Когда он это говорил, он был в своем уме? — подозрительно спросил я.

— А как же!

Черт возьми! Я и в самом деле был блондином! И из себя ничего. Холост, это правда. Значит, мой напарник соображал, что делает. Но по содержимому конверта этого не скажешь.

— И я могу все это забрать? — подозрительно спросил я, имея в виду «богатство».

— А как же!

— А кто такие эти Лена, Коля и Дима? — уцепился я за соломинку. Вдруг негатив у семьи, пославшей поздравительную открытку?

— Лена — дочь сестры-хозяйки, — охотно пояснила девушка. — Коля ее муж, а Дима — сын. Они живут в другом городе.

— Где именно? — с надеждой спросил я.

— Во Владивостоке.

— Ого!

Соломинка сломалась, я рухнул в пропасть. За неделю, что я ищу своего напарника, он мог, конечно, слетать и во Владивосток. Но вряд ли сделал это. Он сумасшедший, раз оставил мне такое странное «наследство», но не настолько, чтобы слетать одним днем на край земли, спря-

тать там фотоснимки и вернуться в Москву. Дальше не значит надежнее. Нет, дело тут не в открытке. Тогда в чем?

«Спокойно-спокойно-спокойно...»

Я сгреб со стола «богатство», включая семечку, обратно в конверт. И спросил:

— Интересно, долго он ползал по полу, собирая свою коллекцию?

— Не знаю, — мило улыбнулась девушка. — Знаю только, что открытку стянул со стола сестры-хозяйки, значок выпросил у нянечки. А что касается бус... — Она мило покраснела. — Это мои.

— У вас хороший вкус, — похвалил я. — Надеюсь, вам их не жалко?

— Что вы! Забирайте! Он так просил за вас!

— То есть?

— Просил непременно передать вам этот конверт. Сказал: «Он поймет».

Признаться, я ни черта не понял. Но что делать? Я небрежно засунул конверт во внутренний карман ветровки. Подумаю на досуге. Особенно над открыткой. «Дорогая мама! Поздравляем тебя...!» Все. Мне здесь больше делать нечего. Или...

А если узнать историю этих вещей? Включая семечку. Интересно, жареная? А на зуб попробовать? Я усмехнулся. Что за бред! Главврач посмотрел на все это и мигом поставил диагноз. Мужчина предпенсионного возраста коллекционирует рухлядь. Старые вещи. А при чем же тогда одноразовый использованный шприц? Сказать, что это тоже винтаж, язык не повер-

нется. Реалии нашего времени: использованные шприцы. Все мы сидим на игле, кто в переносном смысле, а кто и в прямом. Может быть, сие есть символ? Мусор в конверте — закодированное послание человечеству? Раздумывая над этим, я направился к выходу.

— А паспорт? — окликнула меня девушка.

— Ах да!

И я вернулся.

— Тридцать лет, и все еще не женаты, — укоризненно сказала она, возвращая мне документ. Как будто я был злостным неплательщиком алиментов.

— Бывает.

— В гражданском браке жили?

— И это случилось. — Я посмотрел на нее повнимательнее: хорошенькая. И все. Больше ничего не увидел. Но сказал: — Знаете, а я еще вернусь.

Она вспыхнула:

— Что ж...

— Как вас зовут?

— Надя.

— Надежда, значит.

У меня еще оставалась надежда. На то, что я разгадаю загадку. Его ведь убили не из-за семечки. Не из-за использованного шприца. И не из-за открытки «С праздником Восьмое Марта!». Его убили из-за фотографий. И в руках у меня негатив. На конверте так и написано: НЕГАТИВ. Напарник велел передать это мне. Значит, верил в меня. А если бы в конверте и в самом деле лежал негатив, я бы его ни за что не получил. Те люди, которые поместили фото-

графа в психиатрическую лечебницу и, ничего от него не добившись, убили, с содержимым конверта знакомы. Это вне всякого сомнения. И подумали то же, что и главврач: человек спятил. Сошел с ума от безысходности, от боли. Возможно, что его пытали. Избивали. Надо бы поехать в морг и взглянуть на тело. А если у меня будут доказательства, написать заявление в полицию и возбудить уголовное дело. Если у меня будут доказательства...

Пока у меня в руках лишь этот конверт. Содержимое которого более чем странно. При чем здесь стоптанная набойка? Имеет ли значение, что от *женской* туфли? Мне отдали конверт беспрепятственно. На это мой напарник и рассчитывал. Кому интересен мусор?

«Он поймет».

НЕГАТИВ.

Если у вас под рукой есть использованная фотопленка, взгляните на нее. Что вы увидите? И кого узнаете? Даже себя — вряд ли. Волосы белые, лица, напротив, черные. Мир наоборот. А потому практически неузнаваем. У меня в руках то же самое. Негатив, который надо проявить. Для этого есть средства. Я должен найти эти средства, раз было сказано: «Он поймет». Он — то есть я.

Никто не знал этого человека так же хорошо, как я. Хотя мы и были знакомы от силы полгода. Но мы полгода работали вместе. Бок о бок. Вместе выезжали на съемку, вместе обрабатывали потом материалы. Просматривали отпечатанные фотографии. О главной из них он мне так и не сказал. Не успел. Хотя сказать

мог только мне. Самому близкому человеку. Он никогда не был женат, не имел детей, жил на окраине Москвы в однокомнатной берлоге. Уверен: там все перевернуто вверх дном. Они искали то же самое: негатив. Или карту памяти. Может быть, он снимал на цифру. А может быть, и нет. Я никогда этого не узнаю...

Узнаю! Не мытьем, так катаньем. Мы ведь работали бок о бок. И роковые снимки, скорее всего, сделали вместе. Но его убили, а я жив. Выходит, он был догадливее. И внимательнее. У него была выдержка. Дождаться часами наиболее выгодного освещения, хорошего кадра, снимать одно и то же место утром, вечером, в полдень, зимой, весной, летом... И он поймал в кадр... Что? Кого?

Я обязательно это узнаю. С помощью предметов в конверте, лежащем у меня за пазухой. Вперед!

Панорама

— Моя фамилия Сгорбыш. Павел Сгорбыш, — добавил он.

Передо мной стоял высокий мужчина, на вид лет шестидесяти. Он сильно сутулился, вскоре я узнал его прозвище: Горб. В самую точку. Нос у него был подозрительно красный, глаза мутные, белки в прожилках, со следами кровоизлияний, веки набрякшие, над верхней губой висели унылые усы неопределенного цвета. Возможно, их прямым назначением было скрывать плохие зубы. Я не мог этого знать наверняка, пока Сгорбыш не улыбнется. Но лег-

че, пожалуй, дождаться конца света. Пока он только хмурился и сутулился, а на меня смотрел с откровенной неприязнью. Одним словом, передо мною стоял человек отталкивающей внешности. В старых джинсах с пятнами от реактивов и растянутом свитере. Но ему отныне предстояло быть моим начальником. Поэтому я улыбнулся и спросил:

— А по отчеству?

— Сынок... — проскрипел он и махнул рукой. Какое уж тут отчество? Но все-таки сказал: — Александрович.

— Леонид Петровский, — представился я и добавил: — Можно просто Леня.

Он опустил взгляд на мои ботинки, и я невольно поджался: вот сейчас меня разоблачат! Мои ботинки стоили долларов семьсот. Костюмчик я выбрал самый скромный, да и тот тянул на несколько сотен. У. е., разумеется. Но других в моем гардеробе не имелось. У вас, должно быть, глаза на лоб вылезли. Откуда? И кто я такой? Придется представиться и вкратце рассказать, как я сюда попал и почему моим начальником стал Павел Сгорбыш.

Вообще-то, меня зовут Лео. Моя мать необычайно красивая женщина, шикарная женщина, модельной внешности. Лицом и ростом я пошел в нее. В детстве меня дразнили «пупсом». У меня такие губы, что, по словам знакомых женщин, хочется их тут же поцеловать. При виде меня губы самих женщин невольно растягиваются в улыбке. «Эй, пупс!», «Какой пупсик!», «пупсеньш», «пупсеночек»...

